

Фадеева Лариса Викторовна

**ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА КАК ЭЛЕМЕНТ СУБЪЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

В статье рассматривается вопрос о богатом семантическом потенциале эмоционально-оценочной лексики для выражения субъективного отношения к объектам и явлениям окружающей реальной действительности, о роли эмоционально-оценочной лексики в конструировании языковой картины мира. В этой связи кратко рассматривается лингвистическая теория о взаимодействии частей речи, так как субъективно-оценочные значения могут выражаться разноуровневыми языковыми единицами; единицами, относящимися к доминанте или периферии качественно-оценочного функционально-семантического поля. Анализ лексики проводится на материале современного немецкого языка. Особое внимание уделяется глагольным лексемам с коннотативной окраской, включающим в свою лексико-семантическую структуру семы качества и оценки и служащим для выражения добавочной информации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-2/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 2. С. 178-185. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.11-112

В статье рассматривается вопрос о богатом семантическом потенциале эмоционально-оценочной лексики для выражения субъективного отношения к объектам и явлениям окружающей реальной действительности, о роли эмоционально-оценочной лексики в конструировании языковой картины мира. В этой связи кратко рассматривается лингвистическая теория о взаимодействии частей речи, так как субъективно-оценочные значения могут выражаться разноуровневыми языковыми единицами; единицами, относящимися к доминанте или периферии качественно-оценочного функционально-семантического поля. Анализ лексики проводится на материале современного немецкого языка. Особое внимание уделяется глагольным лексемам с коннотативной окраской, включающим в свою лексико-семантическую структуру семы качества и оценки и служащим для выражения добавочной информации.

Ключевые слова и фразы: языковая картина мира; взаимодействие частей речи; эмоционально-оценочная лексика; рациональные и эстетические оценки; доминанта и периферия; коннотативная окраска; эффект воздействия.

Фадеева Лариса Викторовна, к. филол. н., доцент

*Омский государственный педагогический университет (филиал) в г. Таре
larika777@yandex.ru*

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА КАК ЭЛЕМЕНТ СУБЪЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Изучение эмоционально-оценочного пласта лексики любого языка плотно пересекается с современной лингвистической теорией о взаимодействии частей речи, так как оценочное значение может быть выражено разноуровневыми языковыми единицами. Звуковая оболочка слова и обозначаемый им предмет имеют бесконечное количество свойств, связей и взаимоотношений с остальным миром [9, с. 21]. Языковой элемент может претерпевать те же изменения, что и объекты реальной действительности. Поэтому не существует законов взаимодействия, не зависящих от законов реальной действительности. Это дает право утверждать о действии закона взаимодействия между объективной реальностью и языковой системой в целом [13, с. 66]. В современной лингвистике полевой подход не теряет своей актуальности, так как он позволяет наиболее полно исследовать разноуровневые единицы языковой системы. Применение полевого подхода при рассмотрении языковой системы требует как изучения отдельных полей, так и выявления тех общих свойств, по которым элементы одного поля сближаются с элементами другого поля, образуя при этом переходные зоны или «общие сегменты» [1, с. 99]. Существенным свойством является не только взаимодействие разноуровневых языковых единиц в рамках того или иного поля, но и взаимосвязь между самими полями.

Компонентам языка, в отличие от явлений физической природы, не свойственны точные физические и количественные характеристики. Язык чутко реагирует на любые количественные сдвиги внутри него качественными изменениями, что позволяет судить о существовании в языке функциональной зависимости элементов. Любое количественное изменение выступает как изменение элементов системы. Как подчеркивает в своей диссертации Е. В. Муругова, в этом раскрывается специфичность закона взаимодействия, охватывающего языковую систему [13, с. 67]. Общеизвестным стало понимание того, что план выражения не соотносится однозначно с планом содержания. Реальное содержание высказывания всегда гораздо богаче, чем то содержание, которое выражено эксплицитно. Одна и та же ситуация объективной реальности может по-разному отражаться в языковых структурах. Очень важно осознавать, что в большинстве случаев «существуют определенные ограничения, допускающие выбор той или иной языковой формы» [22, р. 10]. Изменчивость формы и содержания закономерно приводит к появлению во взаимодействии частей речи особенностей, определяемых своеобразием каждой новой формы и свойственного этой новой форме содержания. В системе частей речи, как и в языке в целом, обнаруживается полное или частичное взаимодействие. Но проблематика взаимодействия в лингвистике связана с целым комплексом общетеоретических вопросов, касающихся не только определения взаимодействия, выявления различных типов связей и отношений между элементами языка, но и основных критериев взаимодействия частей речи в лингвокреативной деятельности, к которым можно отнести:

1. Наличие отношений тождества и различия между языковыми единицами, совокупности универсальных интегральных и дифференциальных признаков.
2. Существование опосредованных и не опосредованных, прямых и обратных, имплицитных и эксплицитных, синтагматических и парадигматических связей производных слов.
3. Наличие системного характера связей между элементами комплексного словообразовательного поля частей речи.
4. Иерархичность отношений в соответствии с направлением производности, совместное участие производных и производящих основ в передаче того или иного типа словообразовательного значения.
5. Изменение лексико-грамматических значений слов, их сочетаемости при образовании новых слов.
6. Пересечение классов слов, вариативность.

Таким образом, взаимодействие частей речи в лингвокреативной деятельности человека представляет собой одну из разновидностей отношения, связывающего различные части речи и их способы словообразования, участвующие в номинации, коцептуализации и категоризации окружающего внешнего и внутреннего мира.

Язык – среда обитания человека. А средой обитания языка является языковой коллектив, народ, нация. Социальная сущность языка заключается в том, что он существует в языковом сознании, как коллективном, так и в индивидуальном. Природа мысли такова, что она, чтобы стать реальностью для других людей, предполагает материальные средства ее выражения, через которые мысль становится действительностью. Материальной формой передачи мысли служит человеческий язык, который является выразителем логических форм мышления в различных для каждого языка языковых формах. Как подчеркивает в своих трудах А. В. Бондарко, языковые семантические функции выступают в конкретной «языковой одежде» как значения, «привязанные» к определенным морфологическим, синтаксическим, словообразовательным или лексическим средствам, или их конкретным комбинациям в данном языке. Эти семантические функции являются результатом процесса языковой интерпретации понятийных категорий. Связь между понятийными категориями как элементами смыслов, которые нужно выразить, и языковыми семантическими функциями постоянно актуализируется в речи, в конкретном высказывании [4, с. 72; 5, с. 195].

Как отмечает В. И. Шаховский, потенциальная бесконечность и открытость языковых значений обусловлена динамичностью и метафоричностью языка и бесконечностью человеческого мышления, что является базой для бесконечных смысловых валентностей слова [19, с. 103].

Национальное своеобразие частей речи является результатом закрепления в языке познавательной деятельности человеческого мышления. Представители каждой нации используют те средства языка, которые закреплены в соответствующей языковой системе и которые, как утверждает П. В. Чесноков, составляют языковой аспект национального менталитета [17, с. 229]. В каждом языке существуют лексические единицы, национальная окраска которых актуализируется в самом акте коммуникации и определяется особенностями коммуникантов, их отношением друг к другу и к предмету речи. Ж. Вандриес в своей работе пишет: «Слово никогда не всплывает в нашем сознании одиноко... масса понятий и эмоций, связанных с ним... каждую минуту готовы ворваться в наше сознание» [7, с. 176]. Эту добавочную информацию в лингвистике называют коннотацией [15, с. 236].

При описании процесса отражения языком окружающей действительности очень важно использовать знания психологов о конструировании субъективного образа объективного мира. Это выражается в том, что один и тот же реальный объект в окружающем нас мире и одна и та же объективная ситуация могут быть описаны по-разному [14, с. 47]. В разных лингвистических школах и направлениях эта мысль получила разное развитие. Она нашла свое отражение и в выдвинутом когнитологами понятии «конструирование мира», согласно которому отражение и описание мира говорящим человеком понимается как деятельность, фиксирующая субъективную позицию человека в видении им окружающей действительности, ее членения, категоризации и понимания смысла происходящего события [11, с. 16].

Картина мира, отраженная в голове человека, представляет собой сложное, вариативное явление. Концептуальные картины мира, различные у разных народов, формируются не только под влиянием опыта людей, но и благодаря особенностям языка применительно к их планам содержания. Все фонетическое, лексическое и морфологическое разнообразие языков определяется закономерностями лингвистического мышления, а особенности функционирования языка на уровне предложения и дискурса определяются концептуальными фреймами [12]. Исследования языковой картины мира показали, что отраженные в разных языках различия мировосприятия носят системный характер, что проявляется в существовании семантических доминант, т.е. категориальных концептов, выражаемых разными средствами и представляющих собой семантическое микрополе [5].

Система частей речи выработана мышлением каждого народа, живущего в своих особых социально-экономических условиях. По мнению А. Т. Кривоносова, части речи непосредственно связаны не с вещами и процессами мира, а с мышлением, посредствующим звеном между словами и вещами. Слова, части речи сами по себе ничего не отражают. Они лишь репрезентируют вещи и процессы в логических понятиях об этих вещах [10, с. 179]. Посредством частей речи человек дифференцирует вещи, их качества, процессы, действия, состояния и их признаки, выявляет различия в реальном мире и осуществляет категоризацию.

Эмоционально-оценочная лексика – это особый пласт языковой системы. Это не просто констатация окружающей реальности и ее признаков. Это, прежде всего, выражение субъективного отношения к ней, оценивание определенных объектов и ситуаций. Для реализации своего эмоционально-оценочного потенциала частям речи необходим определенный контекст. Если это касается письменной речи, то именно в текстах художественной литературы мы можем обнаружить большое количество лексем с качественно-оценочными значениями. Художественное произведение функционирует в художественно-эстетической среде, которая нассквозь пронизана оценочным содержанием [6, с. 275]. Существует два вида оценок – рациональные оценки и эстетические. Рациональная оценка может быть выражена в абстрактных понятиях, в мировоззрении, в принципах и правилах поведения героев. В ее основе могут лежать идеологические, нравственные, религиозные и другие мотивы. Рациональная оценка как бы однослойна.

Эстетическая оценка предмета – это оценка особого рода. Ее специфическим предметом является не реальность как таковая, а отношение действительности к мере человеческого рода, к целостному человеку. Эстетическая оценка двуслойна: она, с одной стороны, определяет предмет содержания как трагический, комический, возвышенный, мизерный, прекрасный, безобразный в соответствии с мерой человеческого рода; с другой стороны, она вызывает у читателя определенные субъективные чувства, переживания, положительные или отрицательные.

Две стороны эстетической оценки, объективная (рациональная) и субъективная (эмоциональная) имеют различные названия. Объективная сторона эстетической оценки называется эстетической ценностью, а субъективная – собственно эстетической оценкой. Ценность характеризует объект в его отношении к субъекту. А оценка есть отношение субъекта к объекту. Только непосредственное переживание, характер и сила испытанного человеком чувства становятся единственным, необходимым и достаточным основанием оценочного суждения.

Эмоциональная оценка может быть мотивирована также и характером личности, воспринимающей действительность. Специфические особенности эмоций и чувств состоят в том, что они неотделимы от личности, составляют ее самую внутреннюю, неповторимую сущность, которая вместе с тем проявляется в произведении объективно в виде субъективных окрасок. Эмоциональная оценка исходит в данном случае от персонифицированных и не персонифицированных повествователей. В этом случае проявляются существенные качества эмоциональной и аффективной сфер: симпатия – антипатия, напряжение – разрядка, возбуждение – подавленность.

Эмоциональные оценки, возникающие на основе чувства удовольствия или неудовольствия, напряженности или разрядки, представляют собой «механизмы», посредством которых реализуется эстетическое отношение человека к миру. Эти оценки характерны для любого высказывания, не только художественного. Они встречаются в жизни без малейшей эстетической окраски. Но в художественном произведении они несут специальное художественное задание и входят в систему эстетических явлений.

Эмоционально-субъективная оценка носит более личностный, более индивидуальный характер, чем эмоционально-объективная. Поэтому, когда речь идет об объективной или субъективной обусловленности оценки, то практически это означает степень участия субъекта в оценивании, степень зависимости его оценки от объекта изображения. Характерной особенностью выражения оценки является возможность её интенсификации и деинтенсификации [8, с. 45], отражающих движение по оценочной шкале: хороший, очень хороший, не очень хороший. Движение происходит в зоне «+» и в зоне «-», причем и в той, и в другой зонах возможна интенсификация (усиление признака «хорошо» или признака «плохо») и деинтенсификация (ослабление признака «хорошо» или признака «плохо»). Интенсификация может быть включена в семантику самих оценочных слов: *безмозглый*, *обождать*; а также обозначаться аффиксами: *он умнейший человек* (абсолютная превосходная степень). Интенсифицируются не только признаки, выраженные прилагательными, но и предикатные семы оценочных имён, глаголов. Возможность и виды интенсификации и соответствующие ограничения зависят от характера опорного признака и типа его изменений по шкале, например, прилагательное *усталый* не содержит смысла «предельная степень признака», а глагол *обождать* означает предельную степень признака и не допускает дальнейшего движения по шкале оценок. При глаголе как интенсификатор может выступать оценочное наречие. Принято считать, что наречия образа действия, к которым относятся и оценочные, добавляют свои семантические признаки к семантике глагола, специфицируя его и не меняя его функциональной структуры.

Для каждого языка характерны свои особые эмоционально-оценочные языковые средства. В лингвистических исследованиях на материалах немецкого языка выражение значений качественного и эмоционально-оценочного признаков описывается либо в пределах одного лексико-грамматического разряда качественных прилагательных, либо при помощи объединения разноуровневых средств, которое включает в себя полевой подход в исследовании данных значений [18]. Семантика качественного и оценочного признаков связывается, прежде всего, с субъектом или его действиями. Это логично обуславливается антропонимической концепцией языка, чьим создателем и носителем является человек. Доминантой для выражения качественно-оценочной семантики являются качественные прилагательные, так как они являются специализированным разрядом данной части речи в отношении реализации категориальной семантики качественного признака. Качественные прилагательные, согласно классификации А. Н. Шрамма, подразделяются на эмпирические и рациональные [20, с. 17]. Эмпирические прилагательные обозначают конкретно воспринимаемые органами чувств качества и признаки. Рациональные прилагательные обозначают абстрактные, не воспринимаемые непосредственно органами чувств признаки. Указанные прилагательные актуализируют свои системные значения в минимальных двучленных синтагмах, в сочетаниях с определяемыми существительными, при которых они выступают как определения или как предикатив в составе именного сказуемого. Эмпирические прилагательные, употребляясь в прямом значении, сочетаются с именами лиц и существительными, обозначающими части тела и органы человека, и выражают значение только внешних физических качественных признаков человека: *ein kleines Kind*, *ein großer Mensch*, *ein blondes Mädchen* (*маленький ребенок, высокий человек, светловолосая девочка*) (*здесь и далее перевод автора статьи – Л. Ф.*) [18, с. 10]. Рациональные прилагательные в сочетании с указанными типами существительных и с косвенными выразителями антропонимов реализуют значения внутренних психических качественных признаков: *frecher Kerl*, *grober Junge*, *dummer Knabe*, *edler Charakter*, *träumerische Natur* (*наглый парень, грубый юноша, глупый мальчик, благородный характер, мечтательная натура*) [Там же]. Однако транспозиция некоторых эмпирических прилагательных отдельных групп (прилагательных, обозначающих качественные признаки трех измерений; качественные признаки, воспринимаемые на слух, вкус, осязанием и несколькими органами чувств одновременно) в соответствующий контекст способствует приобретению ими переносных значений. Приобретая переносное значение, данные прилагательные в сочетании с именами лиц или косвенными выразителями антропонимов могут реализовать семы внутренних качественно-оценочных признаков человека: *stiller Mensch*, *schwerer Junge*, *hoher Beamte*, *kleiner Mann*, *großer Dichter*, *kühle Dame* (*тихий человек, трудный юноша, влиятельный чиновник, маленький человек, великий поэт, холодная дама*) [Там же, с. 11]. Изменения, происходящие в семантической структуре эмпирических прилагательных, ведут к обогащению их семантического

потенциала и сочетаемостных возможностей. Разграничение в области семантических значимостей у эмпирических и рациональных прилагательных переносится в план синтагматических связей. Процесс актуализации семантики большинства прилагательных происходит как в атрибутивной, так и в предикативной синтаксической позиции в сочетании с существительными антропонимичной сферы, где реализуются смысловые отношения «внешний качественный признак – субъект», «внутренний качественный признак – субъект», «субъект – качественное состояние». В числе ядерных конститuentов поля качественных признаков располагается также группа качественно-относительных прилагательных немецкого языка. Как и доминанте, им присущи аналогичные семантико-функциональные особенности в составе предложения по отношению к существительным антропонимичной сферы. Все качественно-относительные прилагательные немецкого языка можно условно разделить на две группы. К первой группе относятся качественно-относительные прилагательные, которые имеют только качественное значение: *ehrlich, freundlich, listig, fleißig* (честный, приветливый, хитрый, прилежный) [Там же, с. 12]. Вторая группа охватывает прилагательные, употребляемые как в прямом, так и переносном значении. В прямом значении они функционируют как относительные, а в переносном значении – как качественные, то есть являются качественно-относительными прилагательными: *väterliches Haus – väterliche Sorgen; goldener Ring – goldenes Herz* (отцовский дом – отцовские заботы; золотое кольцо – золотое сердце) [Там же]. Как указывает автор диссертации М. Шарипов, в результате анализа примеров из художественных произведений немецких авторов удалось установить, что большинство качественно-относительных прилагательных употребляется чаще всего для описания внутренних качественных признаков действующих лиц [Там же, с. 13].

Большой интерес, с нашей точки зрения, представляют собой глагольные лексемы немецкого языка, включающие в свою лексико-семантическую структуру семы качества и оценки и относящиеся к периферийным средствам для выражения указанной семантики. В современной лингвистике существует точка зрения, согласно которой глагол и наречие следует рассматривать как семантическое единство, состоящее из двух элементов [8, с. 132]. Именно такое понимание глагола и его признака позволяет проанализировать такие оценочные предикаты, как *stolzieren, stampfen, rennen, kriechen, schreien, flüstern* (с гордостью вышагивать, тяжело ступать, мчаться, ползти, кричать, шептать) [25], где действия и его оценочные признаки, показывающие способ действия, выражены нерасчлененно, и соответствующие компоненты выявляются путем анализа внутренней формы в целом.

Качественная и оценочная характеристики предмета, действия или состояния в той или иной форме получают выражение во всех языках. Во многих флективных языках качественные и качественно-оценочные признаки предметов выражаются с помощью прилагательных как средства передачи данного содержания, как уже отмечалось выше. В то же время глагольным лексемам также присуща качественная или качественно-оценочная признаковость действия, процесса, состояния. Но если для прилагательных значение качественной признаковости предмета является обобщенным категориальным грамматическим значением, то для глаголов значение качественно-оценочной признаковости действия, процесса, состояния является дополнительным коннотативным значением, часто сопряженным с категориальным грамматическим значением.

Таким образом, значение качества и оценки может входить в лексико-семантическую структуру глагола на правах коннотации. Взаимодействуя с категориальным грамматическим значением действия, процесса, состояния, такие коннотативные значения призваны характеризовать либо сами действия, процессы, состояния, либо «втянутые» в их сферу лица и предметы – субъекты и объекты.

При рассмотрении глагольных лексем под таким углом зрения можно в первом приближении выделить группы глаголов по их способности давать качественную или качественно-оценочную характеристику:

а) самого действия, процесса, состояния:

ablösen = vorsichtig abmachen (осторожно отделить);

ablecken (fig.) = etwas heftig begehren (страстно желать);

abkühlen 1) (v.t.) = kälter werden lassen (делать холодным);

2) (v.i.) = *kalt, kälter werden* (становиться холодным);

б) субъекта действия, процесса, состояния:

abkarteln = heimlich vereinbaren (тайно договариваться);

ausstoßen (fig.) = heftig äußern (резко выражаться);

ausweichen (fig.) = nicht präzise antworten (уклончиво отвечать);

sich abschulften = schwer arbeiten (работать, не разгибая спины);

в) объекта действия:

beäugen = forschend, mißtrauisch, neugierig anschauen, betrachten (изучающе или с любопытством рассматривать);

begönnern = gönnerhaft behandeln (искренне обращаться с кем-либо);

beknien (umg.) jmdn. ~ inständig u. wiederholt bitten (настойчиво просить кого-либо);

abschinden = schwere Arbeit tun lassen

(заставлять кого-либо выполнять трудную работу);

abpressen (fig.) jmdm. etwas ~ = durch Zwang od. Erpressung wegnehmen

(под давлением или принуждением отнять что-либо у кого-либо) [Ibidem].

Как наглядно демонстрируют дефиниции указанных глагольных лексем, они включают в свою лексико-семантическую структуру дифференциальную лексическую сему качественного или качественно-оценочного признака. Анализ словарного состава немецкого языка подтверждает многочисленными примерами тот факт, что формирование глагольного значения с наличием подобного семантического «довеска» осуществляется за счет отадекватного словообразования глаголов (например, каузативных и процессуальных) и, таким образом, взаимодействия категориальной семантики процессуальности и лексико-семантического значения качественного признака. Например:

verblässen (v.i.) = *blass werden*, *verbleichen* (становиться бледным);
sich verdüstern = *düster werden* (становиться мрачным) [Ibidem].

Глаголы данного типа, характеризуясь ярко выраженной семантической усложненностью и выступая как синтетические, полипризнаковые предикаты, как отмечает Н. Д. Арутюнова, проявляют тенденцию к тому, чтобы вызвать в воображении адресата определенные картины, образы [3, с. 225].

К глаголам с наличием семантического «довеска» относятся также лексемы, в содержание которых входит латентная сема предметности, ассоциируемая с семантическим субъектом или объектом действия: *blühen*: *Blume* (цвети – цветок); *donnern*: *Donner* (греметь – гром); *saufen*: *Säufer* (пьянствовать – пьяница); *anschauen*: *Schnauze* (наорать, рывкнуть – морда) [25]. Раскрывая свой эмоционально-оценочный потенциал наиболее ярко в определенном художественном контексте, указанная лексика обладает коннотативной окраской и несет дополнительную информацию для читателя.

Коннотация не является обязательным компонентом для значения единиц языка. Поэтому наибольший интерес представляют собой именно те номинативные единицы, которые имеют своеобразные «эмоциональные наслоения». Лексика с коннотативной окраской нацелена на определенный эффект воздействия на адресата.

Коннотация как особый компонент значения, придающий слову экспрессивную значимость, обладает двойственным характером, т.е. способен вычленять объект обозначения и одновременно нести информацию об отношении к этому обозначаемому со стороны субъекта речи, что придает двуплановость и высказываниям, содержащим значение этого типа. Глагольные лексемы с коннотативной окраской являются результатом вторичной номинации. В процессах вторичной номинации возможна комбинация объективно- и субъективно-ценностного отношения к тому, что попадает в сферу отражательно-познавательной деятельности человека: вторичная номинация осуществляется на основе аналогии, воплощаемой в тропах, самые употребительные из которых (сравнение и метафора) основаны на уподоблении, что уже предполагает возможность внедрения оценочных категорий в семантику переосмысливаемого имени. Сам выбор сопоставляемого дается с определенной установкой – выделить в номинации положительный или отрицательный эмотивный эффект.

Результаты исследования языкового материала показывают, что качественные и качественно-оценочные глагольные лексемы со значением эмотивно-субъективной оценки можно выделить в различных лексико-семантических группах:

Лексико-семантическая группа «Поведение субъекта»:

schmatzen = *jmdn. laut küssen* (смачно поцеловать кого-либо);

saufen = *unmäßig trinken, dem Alkohol verfallen sein* (беспрестанно пить, зависеть от алкоголя);

holzen = *ohne Sorgfalt arbeiten, roh oder regelwidrig spielen*

(небрежно работать, грубо нарушать правила);

zuschieben = *jmdn. für etwas verantwortlich machen, etwas auf ihn abwälzen*

(делать кого-либо ответственным за что-либо) [Ibidem].

В данной лексико-семантической группе располагаются также тропоморфные глагольные лексемы, например:

bocken = *trotzig, störrisch sein* (быть упрямым);

ochsen = *etwas tüchtig erlernen* (что-либо изучать с большим усердием);

schweinigen = *Schmutz machen, etwas verunreinigen, unanständige Witze erzählen* (что-либо пачкать грязью, рассказывать неприличные анекдоты);

sich durchschlängeln = *sich geschickt, gewandt durch etwas hindurchwinden, Schwierigkeiten geschickt umgehen* (ловко, вертко пробираться через что-либо, умело обходить трудности) [Ibidem].

Лексико-семантическая группа «Физические действия субъекта»:

würgen = *mit Anstrengung arbeiten* (работать с большим физическим напряжением);

qualmen = *viel, häufig rauchen* (много и часто курить);

abschlachten = *grausam oder in Massen töten* (подвергать жестокому и массовому уничтожению);

aussaugen = *rücksichtslos ausnutzen* (беспощадно использовать);

beackern = *gründlich durcharbeiten, genau bearbeiten* (основательно проработать);

absäbeln = *unsachgemäß, ungeschickt abschneiden* (не меряя, небрежно отрезать) [Ibidem].

Лексико-семантическая группа «Физическое и эмоциональное состояние субъекта»:

sich krümmen = *so heftig lachen, daß man dabei nicht mehr gerade sitzen kann* (очень сильно смеяться, смеяться согнувшись);

sich schlauchen = *körperlich sehr anstrengen* (очень сильно физически напрягаться);

brennen = *leidenschaftlich erregt sein* (находиться в большом эмоциональном возбуждении);

auftauen = *zutraulich, mitteilich werden* (становиться доверчивым, уступчивым);

durchhängen = *abgespannt, erschöpft sein, niedergeschlagen sein* (быть подавленным, удрученным) [Ibidem].

Лексико-семантическая группа «Движение»:

schießen = *schnell laufen, fahren, fliegen, sich rasch in einer Richtung bewegen* (быстро бежать, ехать, лететь; очень быстро передвигаться в определенном направлении);

kriechen = *sich sehr langsam fortbewegen* (очень медленно передвигаться);

losschießen = *plötzlich zu laufen beginnen* (внезапно побежать);

durchrauschen = *sich auffallend oder hochmütig durch einen Raum bewegen* (вызывающе и надменно идти по помещению);

verduften = *heimlich, unauffällig sich entfernen* (тайно, незаметно уйти) [Ibidem].

В пределах данной ЛСГ имеются тропоморфные глагольные лексемы с эмотивно-субъективной оценкой, например:

sich schlängeln = *sich wie eine Schlange bewegen, in Windungen verlaufen* (передвигаться как змея, изгибаться в движении);

krebsen = *mühsam klettern oder kriechen* (с трудом карабкаться или ползти);

wieseln = *sich (wie ein Wiesel) eilig bewegen* (очень быстро как ласка передвигаться) [Ibidem].

Лексико-семантическая группа «Звуковые действия»:

flöten = *mit süßer Stimme sprechen* (разговаривать слащаво);

losdonnern = *laut zu schimpfen beginnen* (громко ругаться);

anfahren = *heftig und unfreundlich anreden* (резко, недружелюбно обратиться к кому-либо) [Ibidem].

В коннотативной окраске некоторых глагольных лексем присутствует звуко-символический элемент:

grunzen = *rauhe Kehllaute ausstoßen* (wie das Schwein) (производит грубые гортанные звуки как свинья);

bellen = *heftig und hart, trocken husten* (сильно громко кашлять);

fauchen = *wütend herausstoßen, beißend schimpfen* (гневно выкрикивать, шипеть как кошка);

quaken = *viel und unnütz, töricht oder oberflächlich reden* (много и бесполезно, безрассудно или поверхностно говорить) [Ibidem].

Лексико-семантическая группа «Зрительное восприятие»:

begaffen = *dumm und aufdringlich ansehen, neugierig bestaunen* (назойливо оглядывать кого-либо, с любопытством осматривать кого-либо) [Ibidem].

Глагольные лексемы качественной и качественно-оценочной признаковости со значением эмотивно-субъективной оценки наиболее полно раскрываются в контекстном окружении, когда непосредственно сам контекст художественного произведения создает условия для характеризующей функции глагольных лексем, направленной на действие или на субъект, или объект действия, например:

(1) *Ich sah Dora an, und sofort schmolz ihr steinernes Gesicht in einem Lächeln dahin* [21, S. 20]. / Я посмотрел на Дору, и ее каменное лицо сразу же растаяло в улыбке.

(2) *Du glaubst gar nicht, wie du dich an Langeweile besaufen kannst, du liegst nachher im Bett, es dreht sich dir alles vor den Augen* [Ibidem, S. 150]. / Ты даже не поверишь, как ты можешь упиваться скукой; ты лежишь в кровати и все гугиться перед твоими глазами.

(3) *Aber all dies ging nur, solange die Kraft von Europa her in mir noch lebte: dann trocknete ich ein* [26, S. 13]. / Но все это еще длилось, пока сила из Европы жила во мне: потом я опустошался.

(4) *Es war ein Befehl, und ich Schwächling bebte in Bewunderung vor der dämonischen Herrlichkeit ihres Willens* [Ibidem, S. 18]. / Это был приказ, и я слабак трепетал в удивлении от демонического господства ее воли.

(5) *Und nun sieht sie im Fenster neben sich das Gesicht ihres Jungen, der den Chauffeur mit dem Bettsack abgefertigt hat, und er strahlt sie selig und selbstvergessen an* [23, S. 41]. / И тут в окно рядом с собой она видит лицо своего молодого человека, который передал шоферу тюфяк и который сияет и смотрит на нее блаженно и самозабвенно.

(6) *Der Zug schleppte sich über eine Weiche und hielt lange Zeit* [24, S. 164]. / Поезд тащился по стрелочному переводу и останавливался на длительное время.

В лингвистике принято считать, что коннотативная семантика – это семантика антропометрического отношения к действительности, что придает ей субъективно-ориентированный характер. Коннотация – необязательный компонент значения языковых единиц, но она позволяет выражать отношение субъекта к миру семантически и «материально» экономно.

Наиболее продуктивным способом создания экспрессивной окраски слов и выражений является ассоциативно-образное переосмысление значений, в основе которого лежат тропы, а среди них главенствующая роль принадлежит, как уже отмечалось, метафоре. Функционирование метафоры происходит по закону аналогии, который ещё Аристотель формулировал как форму единства вещей «по соотношению» или по пропорции. Таким образом, происходит синтез: формирующееся понятие не просто сравнивается с представлением, давшим повод для усмотрения сходства, но констатируется как новый информационный объект, вбирающий в себя свойства, характерные для нового знания и для знания о подобном, послужившем основанием для аналогии, т.е. для умозаключения о том, что если некоторые черты двух объектов подобны, то, вероятно, что и другие некоторые черты в познаваемом объекте могут совпадать в чем-то с познанным [2, с. 147; 16, с. 23].

Метафора использует подобие в целях создания экспрессивного эффекта, рассчитанного, однако, не только и не столько на образное восприятие объекта, сколько на его оценку, поскольку традиционно выделенные

экспрессивно окрашенные значения слов и выражений несут в себе сигналы, определяемые в диапазоне одобрение/неодобрение при доминации в нем субъективно-эмотивного спектра, например:

(1) *Wie ein Vulkan in höchster Raserei spien die Tunnelmündungen Tag und Nacht Gestein aus* [24, S. 127]. / Как вулкан туннельные лабиринты в сумасшедшей спешке выплывывали день и ночь камни.

(2) *Da schluchzte sie plötzlich wild und schrecklich wie ein Tier* [21, S. 331]. / Неожиданно она всхлипнула дико и страшно как зверь.

(3) *Arzt zu sein und nichts zu wissen, nichts, nichts, nichts... nur dazusitzen und irgendein Gebet zu stammeln wie ein Hutzelweib in der Kirche* [26, S. 37]... / Быть врачом и ничего не знать... только сидеть и бормотать какую-то молитву как сморщенная старушонка в церкви...

Во многих случаях внутренняя форма, соотносящая новое значение с экстенционалом метафоры, прозрачна для восприятия, поскольку она возбуждает обычные для данного языкового коллектива ассоциативно-образные представления. Вполне очевидно, что не всегда внутренняя форма связана с экспрессивностью. Её экспрессивность или нейтральность зависят от использования тропа (и метафоры, в частности) в индикативной (собственно назывной), когнитивной, образной или эвалюативной функциях. Иногда мы имеем дело с созданием экспрессивной окраски текста исключительно за счёт метафоры, в основе которой лежит ассоциативная образность – обиходное представление о свойствах животных, названных словом его первичной номинативной функции, связуемое и переносимое на свойства лиц, называемых этим же именем в его вторичной номинативной функции. Как показывают примеры из немецкой художественной литературы, вторичную номинативную функцию могут иметь глагольные лексемы, обозначающие различные свойства животных и переносящие эти свойства на человека или абстрактное имя, например:

(1) *Dann biß sich mir plötzlich wie ein Reptil ein Gedanke ein, und ich sagte ihr...ich sagte ihr* [Ibidem, S. 2]... / И вдруг меня укусила как рептилия мысль, и я сказал ей... и я сказал ей...

(2) *Die Dame stößt einen Laut aus, etwas Unartikulierte, so ein «Schschsch», Pinneberg denkt sich, Schlangen zwischen so* [23, S. 12]. / Дама вытолкнула какой-то звук, что-то невнятное, наподобие «Шшшш», Пиннеберг подумал, змеи так шипят.

(3) *Mein verpfushtes Leben kann mir keinen mehr zusammenflicken... ich habe eben umsonst der verherrlichten holländischen Regierung gedient... die Pension ist futsch, ich komme als armer Hund nach Europa zurück... ein Hund, der hinter einem Sarg herwinselt* [26, S. 46]... / Мою разбитую жизнь мне больше никто не склеит... напрасно я служил высокопочитаемому голландскому правительству... пенсия моя исчезла, я возвращаюсь как бедная собака в Европу... собака, которая повизгивает вслед за гробом...

(4) *Stöhnend und knirschend wie ein verwundetes Tier, wanderte er vorwärts, und zuweilen wollte er zusammenbrechen unter der ungeheuren Last seines ungeheuren Schmerzes* [24, S. 21]. / Постанывая и кряхтя как раненный зверь, он продвигался вперед, временами он хотел сломаться под ужасным грузом своей ужасной боли.

В основе метафорического сравнения лежит ассоциативно-образное представление. Оно имеет мотивирующую роль в формировании коннотации как комплексного экспрессивного сигнала. Внутреннюю форму метафоры рассматривают как *tertium comparationis*. Глагольные лексемы с качественными или качественно-оценочными компонентами, входящие в метафорическое сравнение, характеризуют субъект, описывая его физическое или эмоциональное состояние, поведение, различные действия. Субъект, получающий качественно-оценочную характеристику, может быть выражен одушевленным лицом: *Wie hundert Ameisen einen Strohhalm schleppen, so schleppen hundert keuchende Männer mit eingeknickten Knien die mächtigen, dreißig Meter langen Schienen heran, die auf den Schwellen befestigt werden* [Ibidem, S. 126]. / Как сотня муравьев тащат соломинку, так сотня кряхтящих мужчин с согнутыми коленями тащат громадные, тридцатиметровые рельсы, которые укрепляются на шпалах; частью тела, принадлежащей человеку: *Die Hände, dieselben Hände, die ich noch nachmittags im heiligsten Eid an das Holz des Kirchengestühls verklammert gesehen, sie krallten jetzt wieder gekrümmt im Geld herum, wie wollüstige Vampire* [26, S. 130]. / Руки, эти же самые руки, которые я еще утром видел прижатými в святой молитве к дереву церковной скамьи, они вонзились сейчас скрюченными когтями в деньги как ненасытные вампиры (руки, действия рук характеризуют человека); неодушевленным предметом: *Die Allanschen Bohrer, die den Berg perforierten, setzten mit einem klirrenden Schrillen ein, der Berg schrie wie tausend Kinder auf einmal in Todesangst, er lachte wie ein Heer Irrsinniger, er delirierte wie ein Lazarett von Fieberkranken, und endlich donnerte er wie große Wasserfälle* [24, S. 119]. / Буры Аллана, которые сверлили гору, погрузились в нее со звонким пронзительным звуком, гора закричала как тысяча детей одновременно в смертельном страхе, она засмеялась как армия безумцев, она бредила как лазарет лихорадочных больных, и, наконец, она загремела как могучие водопады (действия горы ассоциируются с действиями человека или водопада, придают экспрессивную образность данному контексту).

Таким образом, экспрессивно окрашенные глаголы характеризуют субъект или объект, одновременно оценивая их. Эти глагольные лексемы соотносят субъект высказывания не с классом, а с оценкой признака, характерного для того класса или члена класса, имя которого обозначает уже не комплекс признаков, названный в прямом значении, а одно периферийное свойство и его оценку. Эта семантическая особенность является характерной приметой всех имен, в сигнификат которых входит коннотация. Образ, необходимый для семантики глагольных лексем, ориентированных на эмотивный эффект, и есть та сущность, которая не входит в денотацию, но принадлежит семантике глаголов как её узуальная или окказиональная внутренняя форма.

Список источников

1. Адмони В. Г. Полевая природа частей речи (на материале числительных) // Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л.: Наука, 1968. С. 98-106.
2. Аристотель. Категории. М. – Л.: Соцэкгиз, 1939. 253 с.
3. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 156-248.
4. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978. 176 с.
5. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / Рос. академия наук; Ин-т лингвистических исследований. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
6. Брандес М. П. Стилистика текста. Немецкий язык. Теоретический курс: учебник. М.: КДУ, 2011. 428 с.
7. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю / пер. с фр.; под ред. Р. О. Шор. М.: Соцэкгиз, 1937. 407 с.
8. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
9. Гак В. Г. К проблеме соотношения языка и действительности // Вопросы языкознания. 1972. № 5. С. 12-22.
10. Кривоносов А. Т. Система классов слов как отражение структуры языкового сознания (философские основы теоретической грамматики). М. – Нью-Йорк: ЧеРо, 2001. 830 с.
11. Кубрякова Е. С. Новые единицы номинации в перекраивании картины мира как трансциональные проблемы // Язык и трансциональные проблемы: материалы I международной научной конференции. М. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2004. Т. I. С. 9-16.
12. Лазарев В. В. Философия познания и лингвофилософия: парадигмальный подход: монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2006. 506 с.
13. Муругова Е. В. Взаимодействие частей речи и способов их образования в лингвокреативной деятельности человека: дисс. ... д. филол. н. Ростов н/Д, 2007. 502 с.
14. Переверзев К. А. Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С. 24-52.
15. Телля В. Н. Коннотация // Языкознание: большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
16. Уемов А. И. Аналогия в практике научного исследования. М.: Наука, 1970. С. 23-25.
17. Чесноков П. В. Статическая и динамическая языковые картины мира // Язык. Дискурс. Текст: международная научная конференция, посвященная юбилею В. П. Малащенко (Ростов-на-Дону, РГПУ, лингвистический институт, 11-12 марта 2004 г.): труды и материалы. 2004. Ч. 1. С. 226-230.
18. Шарипов А. Функционально-семантическое поле качественного признака человека в современном немецком языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1984. 29 с.
19. Шаховский В. И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // Вопросы языкознания. 1984. № 6. С. 97-103.
20. Шрамм А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 17-24.
21. Böll H. Und sagte kein einziges Wort. M.: Verlag Hochschule, 1966. 383 S.
22. Coulmas F. Sociolinguistics: The Study of Speaker's Choices. UK: Cambridge University Press, 2005. 263 p.
23. Fallada H. Kleiner Mann – was nun? Berlin – Weimar: Aufbau-Verlag, 1974. 400 S.
24. Kellermann B. Der Tunnel. Berlin: Verlag Volk und Welt, 1972. 400 S.
25. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. München: Mosaik Verlag GMBH, 1986. 1120 S.
26. Zweig S. Novellen. Sankt-Petersburg: Korona print; Karo, 2004. 160 S.

**EMOTIONAL-EVALUATIVE VOCABULARY AS AN ELEMENT OF SUBJECTIVE INFORMATION
(BY THE MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE)**

Fadeeva Larisa Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Omsk State Pedagogical University (Branch) in Tara
larika777@yandex.ru

The article considers rich semantic potential of the emotional-evaluative vocabulary to express subjective attitude to the objects and phenomena of the surrounding world. The author analyzes the role of emotional-evaluative vocabulary to develop linguistic worldview and briefly examines linguistic theory on interaction between parts of speech, since subjective-evaluative meanings can be expressed by linguistic units of different levels, in particular, by the units belonging to the dominant or periphery of qualitative-evaluative functional-semantic field. Vocabulary analysis is conducted by the material of the modern German language. Special attention is paid to the verbal lexemes with connotative colour which contain in their lexico-semantic structure the semes of quality and evaluation and serve to express additional information.

Key words and phrases: linguistic worldview; interaction between parts of speech; emotional-evaluative vocabulary; rational and esthetic evaluations; dominant and periphery; connotative colour; stimulus effect.